

Библиография

С. Д. Лисицян

О книге *В. А. Петрова* „ЭТНОБОТАНИКА НАГОРНОГО КАРАБАХА“.
Изд. АЗФАН, Баку, 1940 г.

Следует признать вполне обоснованным заявление редакторов в „Предисловии“, что „книга *В. А. Петрова* относится к числу своеобразных по теме и по подходу к изучаемому предмету работ“.

Автор из собранного им и его сотрудниками в районах Нагорного Карабаха ботанического материала выделил те отдельные виды растений, которые играют или играли роль в хозяйственной жизни населения или связаны с пережиточными культурными преданиями, причем методически вполне правильно пытается выяснить материальную базу этих преданий.

Описанием охвачено автором сто таких растительных видов; о каждом из них последовательно даются сведения об его пищевом, техническом или медицинском использовании и о тех случаях, когда этот вид превратился в предмет культа. Этот материал, в значительной мере фольклорного характера, может вместе с данными материальной культуры, собираемыми этнографами и археологами, помочь „воссоздать картину, как в мышлении общества определенной стадии развития отражалась извечная борьба человека с природой“, и позволит хорошо иллюстрировать „подлинно научную историю Карабаха“. Автором руководит, кроме общенаучной, и чисто практическая цель — „пристальным изучением способов народной технологии открыть перед технической мыслью новые и подчас неожиданные горизонты“, „со всем вниманием отнестись к многовековому опыту нашей многонациональной семьи народов Советского Союза, взять из него лучшее и передать нашей промышленности“.

Предстояло преодолеть одну из наибольших трудностей при систематизации сведений о применении растений — „отожествление местного названия с общепринятыми в науке латинскими“ и прежде всего „наличие в народной номенклатуре имен собираемых, общих для самых различных видов растений, если они могут быть объединены по какому-либо определенному хозяйственному признаку“. В народных названиях часто под одним „родовым определением“ объединяется ряд систематически далеких видов растений. При уточнении народных названий автор проделал такую же сложную работу по ботаническому миру Нагорного Карабаха, какую проделал в свое время по Эриванской губернии *С. Зелинский* в статье, помещенной в 4-ой книге арм. „Этнографического обозрения“ (*«Ազգագրական հանդես» 1899 թ.*), озаглавленной „Использование растений в Ереванской губернии“ (имеется и в особом издании). В своем труде *Зелинский* описывает несколько меньшее число диких (28) и культивируемых (42) растений, приводя, как это делает и *В. А. Петров*, соответствующие народным названиям общепринятые в науке латинские их параллели, но автор рецензируемой книги систематически рядом с армянским названием отмечает и азербайджанское, чего редко делает *С. Зелинский*, причем указывает и диалектические разновидности по отдельным районам Н. Карабаха. В самом описательном тексте армянские названия у него передаются в русской транскрипции, которая не вполне точно воспроизводит местное произношение, и было бы предпочтительнее в этих

случаях пользоваться научной, латинизированной транскрипцией для выражения таких звуков, как, *ղ, հ, ձ, ջ, ճ, ժ*. Восстановлению точности армянского произношения помогает приложенный к книге алфавитный указатель, в котором названия расположены в порядке русских названий (в тексте описания чередуются в порядке латинских названий). В этом указателе в четвертой рубрике, после русских, латинских и азербайджанских названий, помещены армянские, уже армянскими буквенными начертаниями. Жаль, что в этой рубрике указателя имеются пропуски (душица обыкновенная, лещина, малина, можжевельник, яблоня...) и несоответствия с названиями в тексте (рожь, омела, орех грецкий, виноград, цефалария, дрок, мак). На стр. 167 вклялись две грубые печатки, где азерб. и арм. названия попали не против соответствующих русских и латинских, а против совсем иных. Иногда название плода смешивается с названием дерева: „тозны“ (стр. 70) повсеместно название дерева, а „тоз“ (*Թոզ* = *Թուզ*) — плода, „чһопур“ чһопур — плода, а „чһопри“ — дерева, „хагуг“ — плода, а „ворт“ — куста (141, 163). В армянском языке (и карабахском наречии) для отличия дерева от плода прибегают к суффиксам *ւ, ы, е, նի, նյ, նե*.

Платан („чинари“, стр. 31) не соответствует „соси“ арм. летописцев: по исследованиям мхитаристов, „соси“ = „барди“ в новом армянском, пирамидальный тополь (*Մրհ Գրհ* — Джрабертского района).

В книге очень обстоятельно указываются места распространения каждого вида и произведенные от него топонимические названия (в большинстве случаев при помощи суффикса *ոտ*). Тщательно собраны сведения об использовании этого растения и его частей в пищу в зависимости от сезона, причем многие из этих сведений записаны со слов стариков, что дает возможность нарисовать картину растительного пищевого режима не только в настоящем, но и в прошлом. С этой стороны интересны данные об использовании в пищу дубовых желудей. Исходя от установления форм использования желудей в пищу в качестве хлебного суррогата в период разожженной мусаватистами и дашнаками межнациональной розни, автор привлекает к исследованию и обугленные дубовые жолуди, раскрытые в разрезе культурного слоя близ с. Дашен и в пещере Варван (близ селения Азох), и высказывает предположение, что пищевое применение дубовых желудей является последней вспышкой исторической традиции, идущей от времени поздней бронзы. И в других случаях в работе делаются попытки через формы современного использования растения раскрыть пищевой режим отошедшей в глубокую древность исторической стадии.

С неменьшим вниманием в книге описано и медицинское применение растений. Народная медицина нераз приходила на помощь научной, и сведения, сообщаемые в настоящей книге, могут стать предметом теоретического изучения и практического применения в нашем врачебном мире.

Практическое значение имеют особенно данные о техническом применении растений, сохранившиеся как в быту до последнего времени, так и в памяти стариков от давно пережитого прошлого. К сожалению, по этому разделу автор не всегда располагает достаточным материалом. Сравнительно обстоятельно подвергнут анализу технологический процесс крашения шерсти. Этими сведениями пополяется тот пробел, который имеется в литературе по карабахскому ковроткачеству. Вопрос об изучении народного опыта в красильном деле выдвинут автором вполне своевременно в связи с мероприятиями советской промышленности по линии восстановления в ковровом производстве лучших традиций прошлого.

Работа В. А. Петрова особенно оригинальна в части, где автор пытается на основании накопившегося у него материала осветить вопрос о культовых надстроечных представлениях, связанных с отдельными видами растений. Описывая случаи, когда растение стало предметом культа, он ищет материальную базу этого культа. Отметив, что у него не хватает оснований для объяснения причин — почему „гордовина“ *Viburnum lantana* L. или „омела“ *Viscum album* L., а также „козья ива“ *Salix Caprea* L. получили культовое значение, для остальных видов, игравших роль в культе, он находит материальную базу в исконном „пищевом использовании их листьев, плодов или стеблей, иногда и в их техническом применении“. Так, объяснение культа ясене-

вой роши „нацот“, на берегу р. Кюнделяна (в центр. Карабахе), он ищет в том, что в голодный 1919 г. распутившиеся листья ясеня „служили важным подспорьем в питании населения“ (само армянское название ясеня „наци“ значит „хлебное дерево“), и в том, что „кое-где в глухих углах Карабаха инструменты для получения огня трением, как правило, изготовлялись из древесины ясеня. Попутно он вспоминает и факт, что среди находок из эпохи бронзы в свайных постройках Швейцарии на долю ясеня падает свыше 25%,—доказательство излюбленного обращения к свойствам древесины ясеня для целого ряда производств. Культовые деревья вяза („карагач“), разбросанные по всей области, он ставит в связь с возможным пищевым применением молодых листьев вяза весной, а также с техническим использованием древесины этой породы, в особенности для выделки деревянной утвари. Чанахчинский карагач (вяз), под которым в прошлом собирались старики для обсуждения дел и решения споров, упоминает автору те „придорожные“ вязы, которые сохранились кое-где в центральной Франции и под которыми в средние века велся сениоральный суд, а в более отдаленное время общинный суд стариков.

Как во всех других провинциях армянского поселения, так и в Н. Карабахе особую магическую силу приписывают „каменному дереву“, или „каркасу“ *Celtis caucasica* Willd, по-армянски „пршнэ“ („бырышни“ других районов). „Дагдаганы“—деревянные амулеты из его древесины для предохранения от сглаза—вешают на шею царю и другим домашним животным, также на груди и плече детей; из него делается и яро для породистых рабочих волов, могущих привлечь внимание прохожих. О применении в пищу его листьев или плодов автору (и мне) ни в одной из армянских провинций не приходилось слышать, как и о преимущественном техническом применении в том или другом производстве. Вскрытые в раскопках Я. И. Гумески в окрестностях Ханлара обизвестковавшиеся оболочки семян каркаса могут служить лишь доказательством очень древнего их культового значения. Возводить это значение к пищевой или технологической материальной базе при наличных данных—пока не будет достаточно обоснованным.

Пищевая база для культа местных видов дубов и многих орехоплодных и плодовых пород вряд ли может вызывать сомнение. Нельзя однако согласиться с выводом автора, объясняющего этой базой и осыпание невесты при введении ее в дом жениха зрелыми плодами лещины—„текогну“, „фындых“: в этом свадебном обряде основанием служит не пищевое значение растения, а биологическое—способность этих видов к размножению, как это вполне очевидно и из того, что осыпают не только плодами лещины, но и другими плодами (ячменем, пшеницей) для того, чтоб невеста была плодovitа, стала началом новых существ, подобно этим плодам. В этом магическом действии имеются в виду не пищевые свойства плодов, а их способность к размножению.

В связи с вопросом выяснения материальной базы культа растений следует вспомнить, что слово „хач“, „хеч“, которым местные армяне называют и культовые деревья, увязывается (Н. Я. Марр) с грузинским словом „хе“—дерево и меньше всего с арм. словом „хач“—„крест“.

Нельзя согласиться и с некоторыми частными положениями автора. Так, начинка новогоднего пирога „кркэни“ (34)—плодом каменного дерева едва ли можно связывать с культовым значением этого дерева: начинают и грецким орехом, и горошиной, и фасолью, и ягодой кизила, и серебряной монетой, и плодами лещины, словом, чем либо таким, чем можно при разрезании пирога отметить часть носителя счастья данного года (каковым может быть и домашнее животное (ср. стр. 80).

Зажигание больших костров в Дизаке и Варанде, как и в других армянских провинциях (стр. 44), имеет место не в декабре, а 14 февраля, и имеет связь не с культом растений и „священной рощей“, а с солнечным культом и возобновлением очажного огня. Прыгали через огонь младожены, и совершались обряды для усиления молочности скота (в связи с ожидающейся тучностью пастбищ).

В рошу „нацот“ на берегу реки Кюнделяна собирались (стр. 32) в вознесенье не для „поклонения роще“, как сказано у В. А. Петрова, а на праздник гадания

судьбы при помощи „фантов“ („вичак“), и молочными продуктами приносились жертвы не роще, а этому дню, посвященному цветам. Эти празднества, сопровождавшиеся молочными приношениями, совершались во всех провинциях армянского поселения. Девицы и замужние молодые женщины собирались на гадания в саду, на цветущем поле, где-либо в тени на открытом воздухе, независимо от местности (у В. А. Петрова на стр. 99 описывается такое собрание под платаном), садились в круг и под пение обрядовых гадальных песен („джан гюлум“—„дорогой цветочек“) доставали фанты. Если, таким образом, исключить этот обычай поклонения (?) роще ясеня и иметь в виду, что автор не смог отметить других отдельных культовых стволов ясеня¹, тем он ставит под сомнение и самое наличие „культа ясеня“ в Н. Карабахе².

Следовало бы проверить, не связано ли культовое почитание дерева с почитанием могилы. Большинство „хачов“ („хэчов“) в Н. Карабахе объясняется местными жителями наличием там могилы „нахатака“—мученика. Автор, напр., отмечает, что отдельные стволы „пршнэ“ можно встретить у всех „пиров“, а „пиры“ обычно являются местами погребения „святых“. В другом месте (стр. 109) у него описывается „рухнувший огромный ствол восточного дуба“ по дороге в с. Аладжан, „связанный с преданием о бывшей здесь могиле „благочестивого медведя, помогавшей при женском бесплодии“. Самое святилище Сарибека под Шушой (которое автор без убедительных оснований относит к культу солнца, стр. 53), где имеется крупная роща священных „пршнэ“ и других деревьев, считалось могилкой какого-то „святого Сарибека“, как указывали мне сторожильцы при моем посещении в 1924 году. Насколько можно судить по историческим источникам и этнографическим данным, в Албании (арм. Агванк), в состав которой входил и современный Н. Карабах, древний Арцах, был сильно распространен культ мертвых: историк Албании Моисей Каганкатуйский, уроженец Арцаха, в своем повествовании преимущественное внимание уделяет истории происхождения святых могил угодников; на бляхах, вывезенных из районов западной части Закавказья, особенно у Шамахи (см. фонды Гос. исторического музея Арм. ССР) встречаются нередко изображения черепов. И до последнего времени, незадолго до установления советской власти в крае, возникали новые „священные“ могилы над убитыми молнией или „мучениками“ (так, у самого в'езда в Шушу могила еп. Вагана Григоряна, погибшего во время шушинского пожара). Наличие у этих „священных“ могил рощ и отдельных экземпляров каркаса, дзегвы, чинара, клена и особенно дуба можно объяснить отчасти и тем, что не только сами могилы, но и все окружающие их предметы—деревья, камни, родник—становились неприкосновенными, и ту из деревьев на протяжении нескольких столетий сохранились те породы, которые отличаются крепостью и долговечностью, а слабые, некрепкие породы не выдерживали напора времени и погибали, создавая простор для более мощного роста более сильных и крепких. Таким образом происходил естественный подбор. В поклонении таким породам, повидимому, на первый план выступает не столько пищевое применение их, а скорее их биологические особенности, послужившие основанием и для технического и вообще практического использования. Они становились предметом культа не столько по полезности их в питании, в медицине или технике а скорее вследствие своей крепости, прочности, устойчивости перед разрушительным действием времени. Поэтому и больные, немощные, физически обиженные, слабосильные и т. п. искали у них исцеления, передачи им силы и крепости и др. присущих им свойств.

Работа В. А. Петрова и по своему материалу и по примененному методу изучения этого материала действительно дает возможность „хорошо иллюстрировать подинно научную историю Карабаха“.

Армянский филиал Академии наук СССР
Институт истории.

¹ Жених являлся в церковь с крупным стволом ивы (стр. 122) не в ночь с четверга на пятницу, на страстной неделе, а в день вербного воскресения.